- Я тебя пугаю, да?" - спросил явно безумный волшебник. - Довольно странно, насколько слаб желудок среднестатистического пожирателя смерти, учитывая то, что вы, ребята, делали в свое время. Вы можете убивать, насиловать и пытать, как будто это выходит из моды, но мысль о том, что в один прекрасный день ситуация может измениться, никогда не приходит никому из вас в голову. Если бы у нас было время, это был бы интересный эксперимент, чтобы увидеть, смогу ли я прорваться через вашу социальную обусловленность и заставить вас понять, насколько вы похожи на тех, кого ненавидите. Это впечатляющий подвиг сознательного невежества.

- Впрочем, я не удивлен – невежество, умышленное или нет, является требованием цивилизации. Правда-ужасная вещь, понимаете? Он режет глубже, чем самый острый меч, он бьет с большей силой, чем самый тяжелый боевой молот, и он никого не щадит. Хрупкое человеческое эго и тонкое, как бумага, чувство безопасности, из которого состоит общество, недостаточно сильны, чтобы противостоять ему, даже близко. Общественные нравы, религия, право, культура, традиция...Человечество преуспевает в том, чтобы отделять уродливые истины мира от самого себя подобными пустяками. Загляни слишком далеко за занавески, и ты попадешь...ну, я."

Клянусь Мерлином, почему этот псих не мог просто покончить с этим? Если ему суждено умереть, то Эдвард предпочел бы не слушать заранее философские излияния Поттера.

- Да, Паркинсон, я знаю, что действую вам на нервы." - сказал Поттер, словно прочитав его мысли. Насколько ему было известно, он вполне мог поступить именно так. - Извини, но у меня вошло в привычку говорить монологи людям, которых я собираюсь убить. Ужасная привычка, я знаю. Мне даже не нужны фильмы о Джеймсе Бонде, чтобы понять это. Тем не менее, это оказалось хорошим способом для меня выразить свои мысли устно. Иногда вещи, которые хорошо звучат в вашей голове, оказываются мусором, когда они выходят из вашего рта."

Значит, он лежал здесь, прикованный цепью к каменной плите, и изо рта у него текла слюна из-за заткнувшего рот резинового шарика, потому что Поттер любил думать вслух? Эдвард пожалел, что не напал на ублюдка раньше. Это было бы более достойно.

- Нет, этого бы не случилось." Поттер ответил на его мысли, подтвердив подозрения Эдварда, что он знает Легилименцию. - Я ждал, что ты это сделаешь, но у тебя не хватило духу. Но не расстраивайся из-за этого, ты был не единственным. Я настолько сильнее тебя, что мысль о нападении на меня наполнила тебя подсознательным страхом. Это та же самая причина, по которой Волдеморт и даже Дамблдор имеют такое пугающее присутствие, хотя старик скрывает его как можно больше. Я должен задаться вопросом, не ненавидит ли Волдеморт магглов так сильно, потому что у них нет такого же магического шестого чувства и они инстинктивно не боятся его. Насколько я знаю, это может быть существенной причиной того, почему волшебники не любят общаться с магглами; их отсутствие ауры. Это, конечно, беспокоит меня."

Поттер на несколько секунд погрузился в задумчивое молчание, потом покачал головой и снова встретился взглядом с Эдвардом. Он печально улыбался.

- Я знаю, вы, должно быть, думаете, что я сошеле с ума. Я не виню тебя – это человеческая реакция на все, что не соответствует твоему личному пониманию мира. Но я нечто гораздо худшее, чем безумие. Я ужасно, ужасно в своем уме. Или, по крайней мере, пытаюсь быть. Очищение от слоев лжи, под которыми вы живете, становится сложнее, как только вы закончите с очевидными, особенно когда некоторые из них присущи вашей личности. Когда-нибудь я поблагодарю того дементора, который чуть не поцеловал меня несколько лет назад...Ничто так не заставляет задуматься, как проблеск вечности..."

Поттер снова замолчал, но на этот раз что-то изменилось. Он казался не просто погруженным в свои мысли, а совершенно отсутствующим.

Целых две минуты Эдвард в замешательстве наблюдал, как зеленоглазый волшебник тупо уставился в пространство, почти не двигаясь. Поттер мог сколько угодно претендовать на здравомыслие, но с ним явно что-то было не так.

- Я скучаю по нему, понимаешь?" Он резко продолжил, как ни в чем не бывало, заставив Эдварда вздрогнуть от неожиданности. - Темнота. Теперь я знаю, как это действует на людей, как холодит меня. Мое воспитание, возможно, и не способствовало развитию эмпатии, но раньше я не был таким. Меня вырвало, когда я убил Петтигрю, а теперь я позорю Франкенштейна и ничего не чувствую. Я пытался вести себя "нормально", как бы то ни было, но оказалось, что нельзя просто отучиться от социопатических черт, раз уж они у тебя развились. Никто не знает, каким бы я был, если бы не мои девочки и их прекрасные души. Это заставляет меня задуматься, нет ли у Луны предвидения в том, как она настаивала на том, чтобы я присоединился к ней, или это просто она была Луной. Темнота тоже прекрасна, она окутывает мир в отчаянии. Вещь спокойствия, вещь безмятежности..."

Поттер замолчал и снова погрузился в жуткую тишину. Прошло еще несколько минут, прежде чем он продолжил.

- Я немного соврал тебе раньше." - признался он, казалось, не осознавая своей оплошности. - Я сказал, что в последнее время так быстро перебираю своих пленников, потому что уезжаю в отпуск и не хочу оставлять тебя без присмотра. Это было правдой, но главная причина в том, что Темнота ближе всего, когда я убиваю. Я похож на толстяка, который пытается сесть на диету, но все равно все время нюхает сосиски. Я знаю, что это глупо, но я не могу остановиться. Во сне я вижу мир без огня, замерзший до самой сердцевины, дрейфующий в беззвездной пустоте..."

Еще одна долгая пауза. К сожалению, это дало Эдварду время обдумать то, что он только что услышал. Поттер, возможно, и не был так склонен к вспышкам ярости, как Темный Лорд, но он был бесконечно более нервным. Казалось, он разговаривает уже не с ним, а с самим собой.

- Сначала я подумал, что это просто симптомы абстиненции, и проигнорировал их. Это тоже было глупо, думать, что я могу относиться к этому как к наркомании. Я старался рисовать на Солнце каждый день, думая, что его Свет поможет. Но этого не произошло. Если уж на то пошло, то еще хуже. Свет такой резкий и громкий... Мой самоконтроль изношен, мой объем внимания уже не тот, что раньше, и у меня все время слишком много энергии. Мои

руны...такая грубая, постоянная вещь, которую я сделал с собой, и они так перепутались друг с другом. Я не знал, что я знаю о магии сейчас, я не учел, насколько мое тело насыщено моей магией. Чем больше я использую силу Солнца, тем больше я усиливаю их воздействие и тем больше я жажду успокаивающего прикосновения Тьмы..."

Поттер снова сделал паузу, но на этот раз казался задумчивым, а не отсутствующим. Затем он повернулся и посмотрел на Эдварда со странной извиняющейся улыбкой. - Я думаю, что уже достаточно наскучил тебе своими личными проблемами, даже если ты удивительно хороший слушатель, по крайней мере, когда тебе затыкают рот. Хотите верьте, хотите нет, но это помогло мне принять решение о том, что грызло меня в течение некоторого времени. Эталу это не понравится, но я поддался его легенде и сделал ошибку, предположив, что он мудр. Он может быть умнее большинства людей и обладает превосходными чувствами, но он все еще животное. Он любит то, что ему нравится, и не думает дальше этого. Я не могу продолжать наклоняться только так или иначе, я должен найти равновесие."

Это ни черта не значило для Эдварда, который, честно говоря, был более чем немного раздражен, напуган и встревожен тем, о чем говорил Поттер.

- Прими мою благодарность за то, что выслушал мой понтификат. Я почти сожалею, что выбрал для тебя такой болезненный конец, но теперь уже слишком поздно менять свое решение. Я знаю, что ты боишься умереть, и я не скажу, что это без причины, но постарайся не бороться с этим и утешайся тем, что все это скоро закончится. Объятия Тьмы нежны. Пусть она поглотит твои печали навсегда."

У Эдварда было лишь мгновение, чтобы ощутить абсолютную уверенность в своей неминуемой смерти, прежде чем Поттер активировал машину для откачки жизни и превратил его существование в боль.

XXXXX

Гарри с нетерпением наблюдал, как затихает последний приглушенный крик Паркинсона, надеясь увидеть, как его творение оживает.

Он поднялся хорошо, но не к жизни. Его грудь раздулась, как воздушный шар, а затем взорвалась дождем крови, разбрызгивая кровь и внутренности по всей лаборатории. Хорошо, что все чувствительные вещи были защищены.

- Этого не должно было случиться." - пробормотал он, вытирая с лица пятно темной крови. - Думаю, вернемся к чертежной доске."

Однако он не был слишком разочарован. Создание совершенно новой формы жизни – или неживой – не было чем-то, что вы делали в течение нескольких недель, в конце концов.

И это было даже не самое важное, что он получил от этого маленького эпизода. Он не

собирался так бросаться на Паркинсона, но одно привело к другому… И все же он был рад этому. Теперь ему просто нужно было убедить своих девочек и Этала, что избегание Темноты не работает.

http://tl.rulate.ru/book/17817/1401146